

Человек про слова

ИНТЕРВЬЮ АНАСТАСИЯ КОЖЕВНИКОВА

ФОТО КОНСТАНТИН ДОЛГАНОВСКИЙ

Все ипостаси Линор Горалик трудно перечислить. В прошлом программист, а ныне писатель, теоретик и историк моды, художник, создатель украшений. Не так давно Линор приезжала в Пермь, чтобы представить выставку иллюстраций для детской книги «Мартин не плачет», прочитать лекцию о мужской рубашке как эротическом элементе женского гардероба и свои стихи из книги «Так это был гудочек», от которых язык прилипает к нёбу и хочется долго молчать. В июне Горалик была избрана стипендиатом Фонда Иосифа Бродского в номинации «Поэзия», попечительский совет которого одобрил сам Бродский незадолго до своей смерти.

Q Вы говорили, что отстраняетесь от своих стихов во время чтения. Не попадает ли в такую же ситуацию слушатель, не успевая воспроизводить в голове образы?

— Мне кажется, что чтение стихов глазами и восприятие стихов на слух — два совершенно разных процесса, в идеале — взаимодополняющих. Я не могу, конечно, судить о том, как это устроено у других, но для меня «только послушать» чьи-то тексты всегда недостаточно.

Q Вы причисляете себя к категории людей, для которых расширение своего опыта посредством слов оказывается самым эффективным. Почему так?

— Я человек про слова. У этого есть и плюсы (слова очень много значат для меня), и минусы (слова очень много значат для меня). Опыт, который не вербализован, для меня не усвоен; пока я хотя бы мысленно не превращу его в слова, он просто тревожащая меня каша впечатлений. И наоборот: моё воображение требует слов, для меня «вообразить» — значит «описать». Иногда мне очень жалко, что это так устроено, но уж как есть.

Q То, что вы пишете, как-то однажды обозначили «письмом на грани», грани взрослого и детского в том числе. Как держите баланс?

— Мне как читателю всегда казалось, что хорошие книги не бывают сугубо детскими, то есть такими, которые неинтересны взрослому человеку. И наоборот: я не очень верю во «взрослые» книги — нет никакой единой массы детей, есть разные люди разного возраста, какие-то книги под-

ские, недостаточно детские. Это просто значит, что у нас с человеком разные представления о «детской книге», ничего страшного.

Q Ваша книга «Мартин не плачет» учит читать в том смысле, что там есть подчёркивания слов, пометки, записки и т. д. Такой пример, как читать от автора. Может быть, у вас есть идеи о том, как нужно учить людей читать, преподавать литературу?

ОПЫТ, КОТОРЫЙ НЕ ВЕРБАЛИЗОВАН,
ДЛЯ МЕНЯ НЕ УСВОЕН; ПОКА Я ХОТЯ БЫ МЫСЛЕННО
НЕ ПРЕВРАЩУ ЕГО В СЛОВА, ОН ПРОСТО ТРЕВОЖАЩАЯ
МЕНЯ КАША ВПЕЧАТЛЕНИЙ

ходят одному, какие-то другому. Поэтому создавать книгу, которая считается детской (то есть воображать её основным, но не единственным читателем определённый тип ребёнка), — это просто играть в другую жанровую игру и надеяться, что жанр, в свою очередь, немножко подыграет тебе. Я достаточно часто слышу, что мои тексты, которые я маркирую как дет-

— Я довольно часто веду всякие детские занятия, связанные с чтением, и всякий раз мечтаю вот о чём: во-первых, чтобы ребёнок освободился от адского благоговения перед печатным словом и Великими Писателями, а во-вторых — чтобы он поверил, что читать можно для удовольствия. Не чтобы быть Культурным Человеком, не чтобы Уровень Развития и прочее разное,